

БОРИС ПОЛУШКИН

Три колодца

Борис Полушкин

Три колодца

«Издательские решения»

Полушкин Б.

Три колодца / Б. Полушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909318-9

В своих произведениях Борис Полушкин описывает то, что наблюдал постоянно на протяжении всей жизни: самобытность простых людей, их незамысловатый юмор, их воспоминания о войне, о жизни во время войны. Живые, естественные герои его произведений показывают читателю свои характеры, проявляющиеся по-разному в разных житейских ситуациях. Благодаря этим произведениям мы лучше понимаем людей, которые живут рядом с нами.

ISBN 978-5-44-909318-9

© Полушкин Б.
© Издательские решения

Содержание

СТИХИ	7
СКОРО ЛЕТО	8
ПРАЗДНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ	9
ОПОЗДАЛ	10
ИВАН ДА МАРЬЯ	11
КЛИНИЧЕСКАЯ	12
ГРУСТНОЕ	14
ПРИХОДИ	15
В ДАЛЁКОМ ПОРТУ	16
НЕ ПРИШЛА	17
СВИДАНИЕ	18
НА ПАРНАСЕ	19
ССОРА С ЛЮБИМОЙ	20
НОЧНОЕ	21
НЕЧИСТЬ	22
ЗИМНЕЕ	23
ОЖИДАНИЕ	24
КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА	25
ОРДЕН ПОСМЕРТНО	26
АРКАША	27
ПЕРЕД БОЕМ	28
РАЗВЕДКА БОЕМ рассуждение на тему	29
В ТЁМНОМ ЛЕСУ	30
ХРЕНОВО	31
БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ВЕСНА	32
БАРАКИ МОЕГО ДЕТСТВА	33
НЕ БЕГИ...	34
ДОЖДАЛИСЬ	35
КОММУНАЛКА	36
УШЛА	37
В ПОЕЗДЕ	38
ПРОШЛО	39
НОЧЬЮ	40
ОТПУСК	41
ПОГАДАЙ МНЕ, ЦЫГАНКА	42
СТАРЫЙ АЛЬБОМ	43
ПОЭТ	44
СТИХИ	45
ПЕГАС	46
ЧУДАК	47
НЕ РЕШИЛСЯ...	48
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО	49
ПРОСТИТЕ, В ДОМЕ НЕТ ВИНА	50
ПОЭТОВ НЕ ПУСКАЮТ В РАЙ	51
ЧТО ТЕБЕ С СЕВЕРА В ДАР ПРИВЕЗТИ	52
БЕСПЕЧНОЕ	53

ВЫХОДНОЙ БЕЗДЕЛЬНИКА	54
ОДНОКНИЖНИК	55
ПРОЗА	56
СЕМЕЙНЫЙ ГАМБИТ	57
СНОВА СЕНЬКА	58
КАРИНКИ ИЗ ПАМЯТИ	59
СЛАВКА	59
ПРО ТЕСТЯ	60
ТРИ КОЛОДЦА (маленькая повесть)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Три колодца

Борис Полушкин

© Борис Полушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-9318-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ В КАБАКЕ

Господа! Угостите поэта,
Вновь стакан его горек и пуст,
Он сегодня оплакивал лето
И рябины пылающий куст.

Уж не лучшие ждут перемены
В завывании близкой пурги,
Не царапают больше измены
И не бесят друзья и враги.

Не поются, как прежде, куплеты
И бороться с судьбою нет сил.
Господа! Угостите поэта
И простите, как он вас простил.

СКОРО ЛЕТО

Хромали рифмы, ссорился катрен,
Не помогал ни чай, ни крепкий кофе,
И я подумал: «Если Музе пофиг,
То мне всё это вовсе до колен!»

Пошёл к соседу, он чинил забор:
– Бросай работу, мастер деревянный,
Ты продолбил мне темя, окаянный,
Присядем в тень, затеем разговор.

О том, о сём поговорим ладком,
Есть для души хорошее винишко,
Политиков обсудим, но не слишком,
Чтоб не ошпарить ноги кипятком.

Сегодня солнце, словно на заказ,
В пыли дорожной роятся наездки,
И у колонки собрались соседки,
Пятиминутку выправив на час.

У магазина скопище машин,
В багажник грузят хрень вместо пива,
Калина расцвела неторопливо,
Бог завтра даст, и зацветёт жасмин.

Ещё одна сменяется весна,
Но это, друг, не повод для печали,
Пока глоток сухого «цинандали»
Мы оценить способные сполна!

ПРАЗДНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ

Тете Зине в магазине
водки свежей привезли.
Я сегодня буду синим!
Притяжение земли

Для себя открою снова,
Не добраться мне домой
И ударит, как подкова,
В грудь тяжелый шар земной.

Не уььет, а только свалит,
Ссадин пара пустяков,
Пусть непьющий трезвость славит
И живет без синяков.

Пусть стремится он к победе,
Честь ему и в руки флаг!
Он как скорый поезд едет,
Тарахтит, как порожняк.

Утром встану я с похмелья,
Соберу в ладонях медь.
На меня одно веселье,
Любо-дорого смотреть.

Сзади шепот: «безобразник!
Постыдился б седины!»
Я устроил только праздник,
Не в масштабе всей страны,

А на улице короткой
У поселка на краю,
Зная свой характер кроткий
И покладистость свою.

Поборов в коленях слабость,
Обопрусь на магазин
И скажу: «Какая гадость
Ваша водка, тетя Зин!»

ОПОЗДАЛ

«Бог не встретит, так догонит!»,
– Говорила мама мне.
То в кабине, то в вагоне
Я мотался по стране.

Уносили самолёты
Тело брнное моё
В заполярные широты
Бородой пугать зверьё.

С милой женщиной ночёвки
Слов не знающей «Нельзя»,
И терялись, как подковки,
Однодневные друзья.

Что искал, уже не помню,
Затерялось в суете,
А в душе так много комнат,
Все пустые и не те.

Я насытился снегами,
С тёплым морем завязал.
Взял билет, поехал к маме.
И впервые... опоздал.

Нет у кладбища порога,
Как черту переступить?
Я в пути не встретил Бога,
Мне его до смерти ждать.

ИВАН ДА МАРЬЯ

На сиреневой полянке,
На ромашковом лугу
Мы играли в догонялки,
Целовались на бегу.
В сарафанчиках берёзки
Не стеснялись белых тел,
И какой-то пьяный в доску
Соловей в июле пел.

Сколько лет с тех пор минуло,
Сколько долгих зим прошло,
Но ветрами не задуло
Нашей юности тепло.

Поросли былъём поляны,
Протрезвели соловьи.
Где вы, Марьи да Иваны?
Только чибис спросит: «Чи?»

КЛИНИЧЕСКАЯ

Больничный узкий коридор,
Окно с заляпанным стеклом,
И медсестра болтает вздор
По телефону за столом.
Иду с графином за водой
Беспечный сын семьи больной.

И вдруг удар! И больно мне,
И я сползаю по стене,
Врасплох застигнутый волной,
Тону во тьме и тишине.

И снова свет.
Он отовсюду,
И не тону я, а летаю.
Не удивляюсь вовсе чуду,
Но вижу все и понимаю.
И боли нет и страха нет,
Один лишь мягкий белый свет.

Внизу склонились надо мной,
Срывают пуговиц горох
И ловят мой последний вздох,
Но вздоха нет.
Тогда дугой
В меня как в наковальню били,
Но ток высокий был бессилен.
Все отошли.
«За упокой.»

Все отошли,
Но не один!
Достал иглу-адреналин.
В глазах решительность и злость
Уйти желаете?
Постой!
Есть аргумент еще простой.
И в грудь иглу мне вбил, как гвоздь.
Боль взорвалась и свет померк...

Очнулся через день, в четверг.
Услышал смех, открыл глаза,
Хотел окликнуть, но не смог.
Врач подошел:
«Лежи сынок,
Тебе кричать еще нельзя.»

И все же я набрался сил:

«Я видел все, я с Вами был.

Холодный блеск стальной иглы,

Я знаю, Вы меня спасли!»

Он улыбнулся:

«Бог вернул,

Я только руку протянул.»

– Всё так и есть, как Вы написали!!! Здоровья Вам желаю искренне!!! Спасибо большое за жизненное произведение, Даниил!!!

ГРУСТНОЕ

Дороженька! Куда сбежала?
Знакомая! В какие дали?
Тебя пурга не заметала,
Тебя морозы не сломали,

Осенний дождь с земли не слизывал,
Не убивали града бороны,
Холодный ветер лишь пронизывал,
Но ни на шаг не сдвинул в сторону.

Сейчас июнь в ветвях качается,
Цветы несут свои улыбки,
Так почему же ты кончаешься
У заколоченной калитки?

ПРИХОДИ

Огород зарос бурьяном,
Крыша старая течёт,
От весны шальной и пьяный
Не веду заботам счёт.

На завалинке присяду
В телогреечке простой,
Приходи в мой сад, отрада,
Пить черёмухи настой!

За селом поёт гармошка
Про потерянный уют,
Звёзд серебряные крошки
Куры чёрные клюют.

Тянет с озера прохлада,
Лижет берег водоём.
Приходи, моя отрада,
Под рябинку с соловьём!

– *Очень даже))))))))))))))*

– *Даниил очень трогательные и нежные строки о чувствах и природе!!! Молодец!!!*

В ДАЛЁКОМ ПОРТУ

Пили сладкое вино,
Плавились от счастья.
Клён заглядывал в окно,
Серый от ненастья.

Крались улицей дожди,
Словно в церковь вору.
Ты шепнула: «Подожди,
Я задёрну шторы!»

Мир взорвался тишиной,
Расплескались краски
Не горячечной волной,
А теплом и лаской.

В пелене исчез причал,
Жалкая потеря...
Только маятник стучал,
Ни во что не веря.

– Чудный стих!!! очень люблю такую лаконичную и ёмкую рифму!! успехов!
– Изумительно!

НЕ ПРИШЛА

Гостю всякому я рад,
Гостье рад особо.
Понапрасну пялю взгляд,
Не идёт зазноба.

Вот уж вечер на дворе,
Удлинились тени,
Ем сардельку в кожуре
И варю пельмени.

Со стола убрал хрусталь
Вина из Мадрида
Дня прошедшего не жаль,
Но грызёт обида.

Я ли ей не потакал,
В шаль не кутал плечи?
Отчего не грянул бал
И погасли свечи?

– Изыскано! Волнующе! Здорово)) С теплом и улыбкой)

– Видно, плохо потакал, Потому не грянул бал, И потухли свечи. Чувств моих прошёл накал. Слов хороших не сказал. Зябнут мои плечи.

– Отцвела в саду калина, От меня ушла Карина, Не дождалась слова. Стало пусто в целом мире, Свет, и тот погас в квартире И не вспыхнет снова.

– Что-то я тебе не верю. Сам же ты захлопнул двери, И не попрощался. А теперь лопух на уши? Нет, не буду больше слушать. Вот ведь как нарвался!

– Любовь не опишешь хореем, И ямбом её не объять. Карина страшнее Кореи, Нарвался? Изволь отвечать.

СВИДАНИЕ

Воскресенье. Солнце светит,
Ребятня и птичий ор,
На малиновом штиблете
Золотой горит узор.

Я по улице шагаю
Разодетый, как жених,
Взгляды женские встречаю,
Провожая взглядом их.

У ларька бомонд теснится,
Слышен диспута накал,
Как сказал товарищ Ницце...
Впрочем, пофиг, что сказал.

Мне пиджак ласкает плечи,
Парусит штанов вельвет.
Я иду весне навстречу,
Я знаком с ней много лет!

*– Даниилу всякий внемлет! Щеголь! Это не слова! «Первый парень на деревне!» –
обо мне идет молва...*

– Первый парень на деревне, А в деревне – один я.

– Настроение поднимает, оптимизмом заряжает!

– Такую весну я ещё тут не читала) Спасибо.

НА ПАРНАСЕ

Тесно стало на Парнасе,
А желающих – река,
Уж на взмыленном Пегасе
Сразу по три седока.

Тычут справки в нос Гомеру,
Членских книжек коленкор,
Мол, подвиньтесь, пионеры,
Распылитесь в мелкий сор!

Ладят полочки для грамот
И для кубков пьедестал,
Аполлон такого срама
От рожденья не видал.

Оттого грустит Вергилий,
Поминает Данте мать.
То ли рывкнуть, чтоб валили,
То ли гору поменять?

Только Муза всё хлопочет,
Мишуры отбросив медь,
И заглядывает в очи,
Чтобы душу разглядеть.

ССОРА С ЛЮБИМОЙ

Кто сказал, что бабы кошки,
Любят ласку и тепло?

Со стола смахнула крошки,
Смотрит весело и зло.
Не подступишься с молитвой,
Не поможет слов елей,
Тишина повисла бритвой
Над артерией моей.

Я не робкого десятка,
Видел всякое, кажись,
Но душа уходит в пятки,
Хоть сквозь землю провались.
Бьётся сердце мелкой птахой,
Не достоин чести вор.

Рву цветастую рубаху
И склоняюсь под топор.

НОЧНОЕ

Как буржую день последний,
Так и мне пришла хана,
Покатился грошик медный
Под названием Луна.

Волки воют за вином,
Черти пляшут по углам.
Я живой наполовину,
Неживой напололам.

Воздух спёрт, и тело смято,
Нелюдимая душа
Не торопится куда-то,
А отходит не спеша.

Кто-то замер на крылечке,
Стукнул пальцами в окно,
Сквозняком задуло свечку,
Стало тихо и темно.

НЕЧИСТЬ

Домовой шуршит за печью,
Барабашка бьёт хрусталь.
Похмелиться в доме нечем,
Никому меня не жаль.

Где моя подруга Стеша,
Где рассольчик ледяной?
Сквернословлю, словно леший,
Матерюсь, как водяной.

А, бывало, на гармошке,
Или в тихую дуду —
Девки утками к окошку,
Я же селезнем в пруду.

Годы выстрелом из пушки,
Догорел запальный трут.
Только ведьмы на опушке,
Да и те меня не ждут.

ЗИМНЕЕ

Крещение. Солнце по заказу,
Скрипит под валенком мороз,
Берёзки жемчуг и алмазы
Вплетают в пряди русых кос.

Бросаю семечки в кормушку,
Гуляй пернатое зверьё!
Всего и дел-то на полушку,
Но как приятно, ё-моё!

Как будто чью-то жизнь спасаю,
И сам от этого живей,
Уж не пугает тень косая
От занесённых тополей.

Зима ещё всю люзует,
И объявляет норы свои,
Но журавли вдали тоскуют
И собираются домой.

– Стихотворение хорошего настроения. И у читателей настроение поднимает. Спасибо Вам за это!!!

– Действительно зимнее стихотворение, очень яркое и сильное!!!

– Очень замечательная, образная, душевная поэзия! Сердечного тепла и весеннего настроения. Рад был Вашему визиту! С теплом!

ОЖИДАНИЕ

Зима сворачивает флаги,
Её войска трубят отбой,
И нет уже былой отваги
В элите бело-голубой.

Уныло тянутся обозы,
Бредут разбитые полки,
С опушки старые берёзы
Им смотрят вслед из-под руки.

Мы не жалеем побеждённых,
Ждём только лучших перемен.
Грядёт весна, пора влюблённых
И новых строк, и новых тем!

КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА

– Да-а, дорог нынче керосин!
Сказал мой дед и чиркнул спичкой.
– Одна бутылка и танк один.
Вдруг пуля тенькнула синичкой

И больно клюнула в плечо,
Пробив насквозь сукно шинели,
И сразу стало горячо,
Вот только руки ослабели.

Но кто-то справа подхватил
В стекло упрятанное пламя,
И ветер радостно завыл
И превратил железо в знамя.

Поля седые пачкал дым,
Струились траурные флаги.
Мой дед не умер молодым,
Он от Москвы дошёл до Праги.

ОРДЕН ПОСМЕРТНО

Дед ордена не надевал,
Но в «скрыне» россыпью лежали
Чуть потускневшие медали,
Суровой тяжести металл.

«За что?». Он пожимал плечом
И уходил от разговора,
Смотрел чуть сверху, без укора
И делал вид, что ни при чём.

Я был в репейнике рождён
И не щадил у деда нервы,
Ведь первый орден в сорок первом
Был похоронкой подтверждён.

Её моя скрывала мать,
Договорившись с почтальоном,
И вопреки земным законам
Всех убеждала – Надо ждать.

Чита. И няни шепоток:
– Уж отошёл бы. Только мука.
Но смерть свою разжала руку,
Оставив в теле коготок.

Осколок был ничтожно мал.
Он о себе напомнил деду,
Когда тридцатую Победу
Народ советский отмечал.

До Сталинграда пехотинцы получали ордена, в основном, посмертно.

АРКАША

Не все в дурдоме – дураки...
Аркаша – человек без ног,
С глазами полными тоски,
Седой, красивый словно бог.

Он в лёгкой курточке шевро
Открытый солнцу и ветрам,
Как медь не портит серебро.
Его не портит старый шрам.

И пусть лукавая страна
Не хочет видеть горьких лиц,
Не носят птицы ордена,
Но помнит небо гордых птиц.

Аркаша – пациент психбольницы с. Крольчатник, высланный из столицы «дабы не омрачать видом своим»

Ас-лётчик. Обеспечивал безопасность Северных конвоев, Кавалер множества советских, английских и американских орденов и медалей.

ПЕРЕД БОЕМ

У штрафников разведка боем,
Раздали ружья и штыки,
В траншеях перед высотой
Не гренадерские полки.

Сидят в линялых гимнастёрках
И порыжевших сапогах
Галимов, Бабилов и Тёркин,
Чеченец, русский и казах.

Но не слышать разноголосья,
И в термосах не тронут спирт,
Они пока ещё колосья,
И пулемёт немецкий спит.

Они поднимутся с ракетой
И понесут по полю мат.
Крестьяне, дворники, поэты
В высоком звании – Солдат.

Пойдут упрямые цепочки
По направлению штыка,
Где шьёт МГ косые строчки
И взрывов плотная река.

Ну а пока в окопах тихо,
Сигнала ждёт святая рать.
Сказал хохол: «Нехай им лихо,
Два раза нам не умирать».

РАЗВЕДКА БОЕМ рассуждение на тему

6 мая 2018 в 9:42

До девятого мая ещё несколько дней, а свистопляска уже началась. *«Праздник со слезами на глазах»*... Слёз не вижу, а тупое бахвальство так и прёт. Гордимся победой, не нами одержанной. Кичимся подвигами, не нами совершёнными. Что за низость ставить в заслугу наши потери? *«Можем повторить»* – модный стикер на иномарке. Что повторить? Форсирование Днепра? Взятие Киева к 7 ноября? Штурм обречённого Берлина к светлому праздничку 1 Мая? Смерть, кровь, страдание миллионов. Люди жизнь отдавали, чтобы это не повторилось.

Мой друг Жарков ушёл на фронт семнадцатилетним пацаном. Воевал в пехоте, после ранения стал танкистом. Одну войну закончил в Праге, другую в Китае. За особые заслуги получил десять лет колымских лагерей. В связи с преждевременной кончиной вождя, отсидел только пять. Вот что он говорил.

«Самое жестокое и бессмысленное, что я видел на войне, это разведка боем силами одной пехотной роты. В сорок третьем штрафники едва ли не сровнялись числом с обычными войсками. Полководцы среднего калибра получили дармовой материал для своих „тактических“ операций. Без должной подготовки, без поддержки артиллерии рота бросалась в пекло. Взлетевшая ракета служила сигналом своим и предупреждением врагам – атака. Два немецких МГ, выставленных на бруствер, безжалостно выкашивали быстро редеющие цепочки. С закрытых позиций летели мины. Через пять минут бой стихал, и только крики и стоны раненных доносились до окопов. Уцелевшим помогут ночью.»

В ТЁМНОМ ЛЕСУ

Ночью холодно в землянке,
Ломит руку от плеча.
Горсть крупы в жестяной банке
Да огрызок калача.

Не идёт давно старуха —
Нюрка, старшая сестра.
Снег летит светлее пуха,
Не утихнет до утра.

Заметёт в лесу дороги,
Мужику и то по грудь.
У сестры больные ноги
И тяжёлый крестный путь.

С сорок клятого второго,
Жилы рвались, как ремни,
Он пришёл к её порогу
И заплакал: «Не гони...»

На кафтан сменил шинелку,
Взял гражданские штаны.
Так и жил зверушкой мелкой,
Лишь бы дальше от войны.

Здесь, в лесах, его проклятье,
Добровольная тюрьма.
Год настал восьмидесятый.
Полнолуние. Зима.

ХРЕНОВО

Отчего мне так хреново,
Душно в комнате пустой?
В окна день стучится новый,
Словно нищий на постой.

Стонет глухо половица,
На дверях скрипит петля.
Улететь бы вольной птицей
В заозёрные поля.

Там пасти стада сугробов
Вместе с ветром озорным,
Чтоб до устали и чтобы
Ощутить себя живым.

Напоить глаза простором,
Разломать пространства клеть...
Рядом клацают затворы
И понятно – не успеть.

*– Это грустно, что ХРЕНОВО, НО, в уплату за грехи, Звонко прозвучало СЛОВО –
Вышли классные стихи!*

*– Подбородок вздёрну гордо И скажу судьбине злой – Отодвинься, козья морда,
Ухожу к судьбе чужой.*

– Блеск!

– Под настроение...

– Над...

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ВЕСНА

Благослови меня, весна
Ещё хоть раз коснуться счастья,
И пусть холодное ненастье
На шаг отступит от меня.

Дай сил противиться ветрам,
Снопом по склону не скатиться,
Не позабыть родные лица,
Не потерять дорогу в храм.

Пусть с каждым днём короче путь
Дозволь пройти его достойно,
Утишь в душе раздор и войны
Чтоб понял я хоть что-нибудь..

БАРАКИ МОЕГО ДЕТСТВА

«Эни, бэни, лики, паки»...
Мы считаемся в кругу,
Цепью тянутся бараки,
Словно нищие в пургу.

Мы не лагерные дети,
И колючий снят забор.
Но ещё вполне заметен
В клетку тропок всех узор.

И копаясь в огороде
(Всё живое хочет жить),
Мы порою то находим,
Что в земле пытались скрыть.

Без креста их хоронили
В ямах, вырытых зимой,
И картошка на могилах
Летом пенилась ботвой.

«Эни, бени, лики, паки»...
Сколько лет прошло и зим.
Что нам НАТО, что нам Псаки,
Что нам Трамп и иже с ним?

Наш адрес писался так:
Большой Шанхай, барак на слом.

НЕ БЕГИ...

Не беги от судьбы – коль она не догонит, так встретит,
Не ищи оправданий делам и поступкам дурным.
Вот парит надо мной и сужает круги белый кречет,
Разъедает глаза моей памяти прошлого дым.

Я по жизни прошёл без следа, словно ветер весенний,
Расставался легко, с кем встречался, добра не копил.
Не украл, не убил, и других нет за мной преступлений,
Но на подвиги тоже не тратил особенно сил.

Осыпаются дни невесомой безраздужной пылью,
Утекает сквозь пальцы часов отведённых вода.
В небе ангел сложил атакующе чёрные крылья,
Камнем падает вниз. Навсегда никогда... навсегда...

ДОЖДАЛИСЬ

Всюду холод, всюду сырость,
Дождик льёт четыре дня,
Клён надел пальто на вырост,
Ждёт погоды у плетня.

Ждёт озябшая черешня,
Воробьи под стрехой ждут.
Я иду сквозь ад кромешный,
Гнусь от ветра словно прут.

В низких тучах нет просвета,
Превратилось небо в слизь.
Вот сюжет – «Дождались лета»,
Или просто – «Дождались».

Только нет во мне кручины,
Не живёт в душе печаль.
Ждёт любимого мужчину
Та, что кутается в шаль.

На столе вино и свечи,
Шоколадный разносол.
И она шагнёт навстречу,
Скажет тихо: – «Ты пришёл».

– Очень красиво, образно, по-Есенински неотразимо! Супер! Удачи и всего хорошего!

С теплом!

– Разносол из шоколада! Это ж так придумать надо! Улыбнули)

КОММУНАЛКА

Привычно ссорились соседи,
Делили мелом коридор,
И голоса певучей медью
Несли кислятину и вздор.

Гремели жалобно кастрюли,
Сварливо фыркала плита,
Из-за оконной драной тюли
Усы топорщились кота.

Вот так обидно и банально
День начинался выходной
В квартире нашей коммунальной
Однажды раннею весной.

Кипели мелочные страсти,
Вздымалась пыль минувших лет.
И кто-то, видимо, на счастье,
Рванул присохший шпингалет.

Нас словно вдруг макнули в майну,
И стыд ударил под ребро,
И кто-то мел, почти случайно
В чужое выбросил ведро.

И кто-то звонко рассмеялся:
«С утра такая канитель!»
Делить никто уж не пытался
В окно вломившийся Апрель!

УШЛА

Тобой забытая перчатка
Тепло руки еще хранит.
Так просто было все и гладко.
И вот лицо стыдом горит.

Ушла. Щелчком закрылись двери.
И все. Смелее из углов
Крадутся сумрачные звери
Не совершенных мной грехов.

Хотел любить, отбросив ревность,
Без бурь, без искорки в крови,
Забыв, что может быть неверность
Прямым синонимом любви.

Не зная, что обидеть можно,
Вручая каждый день цветы.
Не оттого ль в любви так сложно,
Что слишком много простоты?

В ПОЕЗДЕ

Спят деревушки легким сном,
И мне бы спать, да вот, не спится!
Смотрю, как снег тугим крылом
С вагоном нашим вровень мчится.

«Не отставай!» – ему кричу,
А он хохочет, чист и светел.
И даже хлопнул по плечу,
Как будто дружбою ответил.

ПРОШЛО

Письма старые вороша,
Вспоминаю почти со смехом,
Как читал их, едва дыша,
Отзываясь стократным эхом.

Все прошло и кому виной,
Что теперь полудетские строчки
Не владеют моей душой,
И не жалко скомкать листочек..

НОЧЬЮ

Ночью пишется, как спится,
Рифм цветочных кружева.
Как снежинки на ресницы опускаются слова.

Иллюзорный легкий танец
Строк под музыку луны.
Дирижер – маэстро Память
Без намека седины.

И ни грязи, и ни пыли,
Там, где пыль, и там, где грязь.
Очень хочется, чтоб сбылись
Песни. Хоть одна б сбылась!

ОТПУСК

Сидим, балагурим, играем в слова,
Сплетаем беседу легко и умело,
И челка твоя, как на склоне трава,
От летнего зноя слегка пожелтела.

А я из метелей приехал вчера,
Где только в июне снега исчезают,
И все мне приятно, и даже жара,
Которая всех под навес загоняет.

И лето вдыхаю поверхностью всей,
Пьянею от запаха трав, торжествую,
Сижусь, отдыхаю от белых ночей,
О прелести белых ночей повествуя!

ПОГАДАЙ МНЕ, ЦЫГАНКА

Погадай мне, цыганка, по белой руке!
Я поверю легко в твой нехитрый обман.
Я по жизни пушусь, как по вольной реке,
С головой окунусь в столь желанный туман!

Как забавны сплетенья чарующих слов,
Счастье близкое вновь побеждает беду,
Полыхает под солнцем январский покров,
Но вот-вот соловей разольется в саду!

И навстречу мне выйдет в весеннем платке
Золотая девчонка с улыбкой простой.
Погадай, мне, цыганка, по белой руке
На червонную даму, забытую мной.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

В ладонях старого альбома
Стучится пойманной пчелой
Былого времени обломок,
Умелой схваченный рукой.

Шелк белый по ветру развеян,
И счастье плещется в глазах,
Жених испуганно-растерян,
В костюме новом, и в цветах.

Свидетель холостой смеется,
Подружка верная грустит..
В ладонях время бьётся, бьётся,
А жизнь стремительно летит.

ПОЭТ

Много ль, мало ль тому, жил несчастный поэт.
В каждом вымысле место есть правде,
Стол на кухне и стул – вот его кабинет,
И стопой голубые тетради.

Он любую из них раскрывал наугад,
Сигарету притиснув губою,
И в мечты погружался, как в зреющий сад
С восхищеньем и давней тоскою.

Его критик суровый в статьях не ругал,
И NN не хвалил по причине:
В рифму он и двух строк за всю жизнь не связал,
Никому не известен поныне.

А поутру привычно бранилась жена,
Улыбались взрослевшие дети..
Так и умер поэт, в том не наша вина,
Может, самый счастливый на свете..

СТИХИ

Надежд перебирая черепки,
Готовлю себя к новому сраженью,
И для победы или поражения
Ввожу стихов резервные полки.

Они пойдут по скошенному полю
Газетных нечитаемых страниц.
Невозмутимость равнодушных лиц
Меня пронзит давно знакомой болью.

На свете все ругая и кляня
Я захлебнусь в её слепой лавине,
Но если вдруг меня она покинет,
Где силы взять для нового огня?

ПЕГАС

Поэты – самоеды, дикари.
Они живут, свои терзая раны.
И душу истязают до зари
За пару слов. В заботах неустанных

Заезжен конь крылатый, сбился с ног.
И что ему, свидетелю облавы,
Прозрачная упругость ваших строк,
Мишурный блеск непостоянной славы.

Собравшись в путь, не забывают шпор,
И он, хрипя, выносит вас к вершине!
О, сколько взял он неприступных гор,
И скольких сбросил вниз на половине!

ЧУДАК

Друзья считали чудаком,
Жена стучала у виска,
А он, когда уснет весь дом,
Тетради синие листал.

Он гладил белые листы,
Как дочерей по головам,
И плавил робкие мечты
В стихи негромкие, как сам.

Текла за строчкою строка,
В окно царапался рассвет,
Безвольно падала рука,
И понимал он – песни нет..

И, словно чувствуя вину,
Весь день ходил он, вниз глаза,
И слушал сердца тишину,
И ждал, когда придет гроза..

НЕ РЕШИЛСЯ...

Художник краски растирал,
Художник кисти разминал,
И, соблюдая ритуал,
Пил корвалол и люминал.

Он видел в сером полотне
Живые проблески ветров,
Сиянье голубых снегов,
И небо в зоревом огне.

Он мира цвет и глубину
Постиг душой и был готов
Один за тысячу веков
Явить желанную весну.

И каждый нерв его звенел,
Кровь волновалась горячо,
Удача терлась о плечо!
Он кисти взял!.. и не посмел..

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

«Я к Вам пишу...» Простите плагиат,
От классиков всесущих нет спасенья,
Измученный невзгодами и ленью,
Я Вашему вниманью буду рад.
И без раздумий и черновиков
Вверяю мысли веренице слов.

Давным-давно, а кажется вчера,
Мы растворялись в каждой нашей встрече,
День на посту менял лиловый вечер,
Ночь засыпала с нами до утра.
И стрелки замирали на часах,
И нам неведом был разлуки страх.

И соловьи завидовали нам,
Цветы стелились мягкими коврами.
Но море жизни вздыбилось волнами
И разнесло по разным берегам.
Я Вас искал по свету много лет
И не нашёл, когда б не интернет.

Как Вам живётся в солнечных краях,
Где не бывает ласковых метелей?
У нас снежинки с неба полетели,
И детвора резвится на санях.
Как передать за множество границ
Мороза звон и теньканье синиц?

Наш скверик постарел, но также мил,
Грустят в снега упавшие аллеи,
И я грущу, но вовсе не жалею,
Чего жалеть – я с Вами счастлив был.

Я обрываю торопливость строк...
Вы счастливы в Майами? Дай Вам Бог.

ПРОСТИТЕ, В ДОМЕ НЕТ ВИНА

Простите, в доме нет вина,
А водку предлагать не смею,
Садитесь в кресло у окна.
Вот плед, укройтесь потеплее.

Ещё вчера курился зной,
Сегодня ветрено и пусто,
Сентябрь в кольчуге золотой
Берёзки тискает до хруста.

Вам чёрный кофе или чай?
Берите в вазочке печенье.
Нахальный кот Черезвычай
К Вам снова лезет на колени.

Его зовут так неспроста,
Где он, там бой и суматоха,
Посуды звон и треск холста.
А впрочем, с ним не так уж плохо.

Его погладишь – он споёт,
И дом наполнится уютом.
Скажите, Вам не нужен кот,
Чтоб грусти скрашивать минуты?

Я рассмешил Вас невзначай?
Всегда в прекрасном настроении?
Ах, юность, юность... Пейте чай,
Берите в вазочке печенье.

ПОЭТОВ НЕ ПУСКАЮТ В РАЙ

Поэтов не пускают в рай:
Они грешили с юной Музой.
И в ад для них закрыты шлюзы,
Бдит шестикрылый вертухай.

Зачем проблемы Сатане?
Он стар, ни к чёрту стали нервы,
И этих пасынков Минервы
Ему не видеть бы во сне.

Кривятся чёрных губ углы,
Давно наскучили картины,
Как будут лезть они по спинам,
Пенять и драться за котлы.

И даже тощий графоман,
Пускавший слюни в «поэмбуке»,
Кричит, заламывая руки,
Что заслужил особый чан.

Но что-то есть в них, что-то есть
Что удивить способно Бога-
И беспокойство и тревога,
И, вдруг, достоинство и честь.

ЧТО ТЕБЕ С СЕВЕРА В ДАР ПРИВЕЗТИ

Что тебе с севера в дар привезти?
Зимнее небо в мерцающих каплях,
Ленты сияния в косы вплести,
Острых хвоинок волнующий запах?

Может, мороз, распилив как стекло,
Звоном реки обрामить и доставить?
Может быть, выкрасть метелям назло
Песню печорского ветра на память?

Что тебе с севера в дар привезти?
Но в многолюдье кипящем перрона
Что же ты плачешь, лицо опустив,
И не проводишь меня до вагона?

БЕСПЕЧНОЕ

Я выйду из леса, а может войду,
Присяду с подругой у речки,
Стихи сочиняю, играю в дуду,
Пляшу и танцую от печки.

Я волен в поступках своих и мечтах,
В своих покаяниях волен,
И ангел довольный кружит в небесах,
И дьявол чертовски доволен.

Пока мне повестку на божеский суд
Усталые мчат почтальоны,
Данаи из белых ромашек плетут
Венок в поредевшую крону.

ВЫХОДНОЙ БЕЗДЕЛЬНИКА

Вновь не деньги сторублёвка:
Не пропить, не потерять.
Ты судьба моя, подковка,
Моя мачеха и мать.

Кореша у магазина,
Предприимчивый народ,
День – разбитая дрезина,
Хоть убейся, не везёт!

Жёны – пушки заряжены,
Раскалились добела,
Обсуждаем мы под клёном
Наши скорбные дела.

Но копеечка к копейке...
Принеси стакан, Илья.
Ах, судьба моя, злодейка.
Снова пьяным буду я.

ОДНОКНИЖНИК

Написал «эскаватор» – ошибка.
Написал «экскалатор» – опять.
Говорят: «Вы неграмотный шибко,
И стихов лучше Вам не писать».

А ещё запятых миллион
Кружат стаяй прожорливых птиц,
И грозитя Брокгауз Ефрон
Непрочитанной тонной страниц.

В сельской школе седой педагог
Мне вручая букварь навсегда,
Говорил: «Он единственный Бог,
Путеводная в жизни звезда».

Я молился ему одному,
В нём про маму и раму завет,
И теперь не пойму почему,
Мне к писательству полный запрет.

Вы прочтите мой скромный релиз,
Дайте добрый совет, господа.
Быть писателем – это каприз,
А дилектором – просто беда.

ПРОЗА ВНУК МОЙ, СЕНЬКА

3 ноября 2017

Полгода между жизнью и смертью. И вот – первые шаги!

Смелее, Сеня!

УТРО

9 февраля 2018 в 11:01

«Деда!» – тянет меня за штаны внук. Ему скоро два года и он наслаждается свободой, дарованной спящими родителями. Сажую Сеньку в своё кресло, и пневматика легко возносит его на должную высоту. Два-три удара по клавишам, и исчезает результат моих ночных бдений. Сенька смеётся. Что же ты стёр, маленький озорник? А так ли это важно?

СЕМЕЙНЫЙ ГАМБИТ

18 февраля 2018 в 12:53

Выходной. Смотрю лыжную эстафету. Сенька пытается отнять пульт, но я не уступаю. Маленький шантажист ложится на пол, угрожая закатить истерику. «Плакать будешь?» – спрашиваю. – «Да!». Досмотреть гонку хочется, и я, скрепя сердце, отдаю внуку пятиметровую рулетку. Слезы тут же высыхают. Пока он обмеряет все углы, я ещё и хоккеем посмотрю!

30 мая 2018 в 7:59

Сенька растёт на глазах

Заметил на комодике забытую родителями конфету. Достать он её не может и оглядывается, что можно пододвинуть? Но мама затеяла уборку и стулья вынесла на кухню. Честное слово, я бы до такого не додумался! Он выдвигает два нижних ящика и, как по ступенькам, карабкается к своему призу. Аплодирую.

СНОВА СЕНЬКА

20 мая 2018 в 6:26

Сеньке родители купили дорожный велосипед-каталку. Он побибикал, поиграл светом, но на улицу желает идти пешком. На уговоры мамы не поддаётся. Я злорадствую и горжусь внуком.

Утром, когда заботливые родители ещё спят, Сенька приходит ко мне в комнату, берёт за указательный палец и тянет к выходу.

«Айда домой»

Домом он называет улицу.

КАРИНКИ ИЗ ПАМЯТИ

СЛАВКА

Славке далеко за семьдесят. Ногой двигаю стул:

– Садись.

– Я своё отсидел.

Расставляем шахматы. Славке всё равно, каким цветом играть.

Он похож на большую старую птицу. Крючковатый нос, спутанные серые волосы. Пальцы рук не гнутся: то ли военная контузия, то ли колымские лагеря. Обыграть его позиционно невозможно. Отодвигаю доску: – Партия г...

– Совершенно верно!

Бросаю на стол журнал «Юность»: – «Приключения Чонкина» читал?

– Ещё бы нет. Фуфло!

– Почему? Смешно же?

– Именно. Мы за этот смех кровью платили.

Спорим за Симонова «Живые и мёртвые».

– вот она правда о войне.

– Не согласен: струсил, сука. Мы от него большего ждали.

Дал ему свои стихи. Полистал: «Не пиши больше никогда!»

Прости, Славка...

ПРО ТЕСТЯ

Мой тесть был человеком весёлым и открытым. Про таких в деревне говорят: «Негорюха».

В сорок шестом году он окончил школу механизаторов и по распределению отправился в елховский колхоз. В колхозе не кормили, а семья, в которой его поселили, к столу не приглашала.

Промаявшись с неделю, он ушёл к маме в Кошки. Мама хоть и не купалась в роскоши, но пару картофелин единственному сыну нашла. Старшие братья и отец погибли на войне.

Через два дня пришёл участковый с конвоиром. Пятнадцатилетнему дезертиру дали год.

Год, не десять, и в Воркуту не сослали, а пристроили на Красную глинку к военнопленным.

Немцы что-то копали, а он на лошадке отвозил грунт. Работа – не бей лежачего. Кормили три раза в день, да ещё лошадке полагался овёс, и тесть бессовестно приворовывал. Был большой соблазн продлить райскую жизнь года на три, но старшие отсоветовали. За мелкую кражу или поломку инвентаря могли дать очень серьёзный срок.

Через двенадцать месяцев, с буханкой хлеба от администрации и тремя кусочками сахара от немцев, он оказался за воротами лагеря. Но главной своей удачей в жизни всегда считал справку об освобождении.

С ней он устроился в лесничество и получил паспорт. Тёща, пожизненная колхозница, получила паспорт в 59-ом, когда родила мою жену.

ТРИ КОЛОДЦА (маленькая повесть)

1

Дед Боряй пришёл к отцу в тёплый июльский вечер. Молча достал из внутреннего кармана пиджака бутылку самогона и поставил её на клеёчатую скатерть стола. Отец принёс из сени свежих огурцов, шмат пожелтевшего сала и хлеб. Выпили.

– У Бамбурихи брал?

– А у кого ещё?

– Наглеет сучка. Гольная сивуха.

Похрустели огурцами. Отец порезал на газете сало и хлеб. Плеснули ещё.

– За чем пожаловал, дед?

– Уезжаю я, Сашка. В город, к дочке.

– Слышал, да не верил. Как же твои больные теперь? Ведь со всего Союза едут.

– Помочь я им больше не могу. Сила в траве исчезла. Как семь лет назад карьер открыли, так и стала она чахнуть да сохнуть. Одни бастылы остались.

– Траве-то что? Копают и копают. Её не трогают.

– Земля обиделась. Видать её за живое задели. Вспомни: сколько ягоды, грибов, орехов было. Где это всё?

– Да-а. Карася в озере и того не стало. Прогресс, мать его.

Разлили остатки. Отец пошарил в тумбочке и достал бутылку водки. Дед одобрительно хмыкнул.

– Старуха пристала, – заторопился он, боясь захмелеть раньше времени, – колодец надо выкопать для новых жильцов. Сам знаешь, за водой в улицу ходим чуть не версту.

– А вам-то что? Пусть они и думают.

– Не хочется, чтобы зло держали. Пусть добром поминают.

– Ты дом за сколько отдал? За четыреста? Вот и колодец столько встанет. Там вода глубоко, если она вообще есть.

– Бог с ними, с деньгами. Я с людей денег не брал, но ведь давали. И по почте присылали и соседям оставляли. Вот пусть они на благое дело и пойдут.

Боряя я провожал за полночь. Когда вернулся, отец ещё не спал. Курил у окна и стряхивал пепел в цветочный горшок.

– На мотоцикл ещё копишь? – спросил меня, не поворачиваясь.

– Коплю.

– Сколько осталось?

– Пятьсот.

– Яву, что ли?

Я промолчал. Вишнёвая красавица снилась мне ночами. В начале лета удалось подработать на кирпичном заводе, а в августе обещали взять дорожники. Жаль, каникулы короткие.

– Пойдёшь со мной на колодец?

Я уже прикидывал такой вариант. Отец платит подсобнику десять рублей в день. Если колодец глубокий, метров двадцать, то можно срубить рублей пятьдесят. Где ещё за неделю столько заработаешь?

– Пойду, если возьмёшь.

– А чего не взять? За неделю рук не отмотаешь. У меня заночуешь или к своим пойдёшь?

– Останусь.

– Не зачитывайся.

Отец снял с вешалки старое пальто и ушёл в сени. Летом он никогда не ночевал в избе.

Утром рано отец толкнул меня в плечо:

– Просыпайся. День на дворе!

– Днём петухи не орут, как оглашенные, – возразил я, но ноги с постели свесил. На пол упала книжка, которую я по привычке открыл перед сном, но так и не прочитал ни строчки.

Траву в саду густо облепили тяжёлые капли росы. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву яблонь, жадно слизывал утреннюю прохладу. Пока я умывался у бочки с водой для полива, отец приготовил классический завтрак: десяток сваренных вкрутую яиц, всё тоже старое сало и чай в кружке. Завершали натюрморт пучок зелёного лука и соль в спичечном коробке.

По дороге отец ещё раз предложил мне кирзовые сапоги вместо открытых сандалий: «Земля набиваться будет, вытряхивать устанешь».

– Ерунда, вытряхну.

– Как знаешь.

Дед Боряй поджидал нас на крылечке. Его крошечный домик располагался на большой поляне между двух улиц.

Раньше здесь были огромные огороды, на которых сеяли картошку, подсолнечник, свёклу и даже коноплю, но постепенно они исчезли. Сначала советская власть озаботилась «чрезмерными» доходами крестьян, а затем и сами крестьяне перестали заморачиваться с огородами. Есть пятнадцать соток, куда воткнуть пару яблонь и разбить грядки, да и ладно.

Создать путный колхоз в селе не удалось: в округе не было пригодной земли для посевов. Холмы, овраги и перелески тянулись на многие километры. Не заладилось и с овцеводством. Хохлы не казахи и ремеслом чабанов не овладели. Точку этой возне поставили геологи. Просверлив несколько дырок, они объявили о несметных залежах серы, которую можно добывать открытым способом. Срочно построили комбинат по переработке и бесхозные крестьяне дополнили ряды самого передового класса рабочих. Правда, ещё через три года выяснилось, что сведения о залежах серы сильно преувеличены, но это другая история.

Встречать нас выскочила и Боряха, крошечная сухонькая старушонка в переднике и калошах на босу ногу.

– Бессовестные, – набросилась она на отца и деда. – Без бутылки уже и договориться не можете. Пьяницы горькие!

Мне стало смешно. Все знали, что дед Боряй выпивает только по большим церковным праздникам и «по случаю», когда надо было договориться с мужиками что-то сделать: перекрыть крышу или поправить крыльцо. Сам он занимался исключительно травами и лечением. Бабулька под его руководством собирала и сушила травы, готовила мази и настои. Ни скотины, ни огорода у них не было.

– Не шуми, тётка, – попытался урезонить её отец. – Лучше место поищем, где колодец копать.

– А что его искать, – старушка соскользнула с крыльца и засемила по тропинке, – Вот здесь, – указала она, отойдя от дома метров на восемь.

Отец ошалело посмотрел на неё: – Здесь воды нет!

– Как это нет? Везде есть, а здесь нет?

– Где это везде? До ближайшего колодца почти километр!

– Вот и выкопай рядом!

– Я выкопаю, но воды не будет.

– Комай глубже, она и появится.

– Дед! Хоть ты её вразуми, – взмолился отец.

Но Боряй только боязливо поёжился и пролепетал: – Сашк! Может, правда, поглубже.

Сердце моё ёкнуло: сейчас отец психанёт, и плакал мой полтинник.

Но отец с минуту постоял в растерянности и махнул рукой: – Мне ваших денег не жалко!

Он поплевал в ладони, взял укороченную штыковую лопату и вырубил на месте указанном бабкой ровный квадрат. Поделив квадрат на части, аккуратно снял дёрн. Я тут же унёс его в сторонку и, прихватив вёдра, поспешил к намеченной яме. Отец, вкопавшись с угла, насыпал землю в вёдра, а я относил их и высыпал подальше. Постепенно вошли в рабочий ритм, внешне неторопливый, но «убористый».

На глубине около метра пошла глина. Резалась она ровными пластами и почти не крошилась. Отец вылез из ямы, взял длинную верёвку и, прикинув расстояние, привязал один конец к столбу. Пока не поставим ворот, спускаться и подниматься из колодца он будет при помощи этого нехитрого приспособления. Закурив папиросу, глянул на солнце: день едва начинался.

– До завтра свободен. Метра четыре пройду один.

Это отцовская фишка. Выбрасывать грунт с такой глубины мог только он.

«Свои» сидели за столом и пили чай. В большой алюминиевой чашке лежали варёные яйца, в другой – огурцы. На обложке старого журнала горкой насыпана соль.

– Сидай з нами! – засуетилась бабушка, обмахивая полотенцем чистую скамью и доставая из шкафа мой любимый бокал. – На дачи з молоком издыли, печь не топила, не стряпала!

Бабушка говорила на собственном языке, коверкая украинские и перевирая русские слова.

– Гуцулка! – смеялся над ней дедушка.

– Богато ты разумиешь!

– Мне бы помыться, – попросил я, с отвращением снимая тяжёлые от набившейся грязи сандалии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.